

18+

ВЕТОВСКИЕ УРОКИ

Галина Шляхова

Галина Игоревна Шляхова

СОВЕТОВСКИЕ УРОКИ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68616385

ISBN 9785005929457

Аннотация

«...Наша история заслуживает быть рассказанной: пусть она помогает тем, кто, отговариваемый со всех сторон от своей затеи, всё же чувствует, что не может подавить в себе желание ввязаться в решение социальной проблемы, которая трогает его за душу, даже если ничего из реальных ресурсов для этого нет. Я точно знаю, что „из ничего“ прекрасно можно сделать сеть ветеринарных клиник, где лечатся попавшие в беду животные. А значит и многое другое из него сделать удастся».

Содержание

Нечто вроде авторского предисловия и глоссария	5
1. От ожиданий к реальности	14
2. СОВет да любовь	35
Конец ознакомительного фрагмента.	50

СОВЕТОВСКИЕ УРОКИ

ГАЛИНА ИГОРЕВНА ШЛЯХОВА

Анастасия Владимировна Илюшина *Дизайн обложки и
цветной иллюстрации*

© Галина Игоревна Шляхова, 2022

ISBN 978-5-0059-2945-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нечто вроде авторского предисловия и глоссария несколько пояснений, предвосхищающих возможную критику

Около года назад моя книга «СОВетовские уроки» была, как я полагала, на стадии «почти готова». Из опыта работы над художественными произведениями в предыдущие несколько лет я усвоила, что процедуры издания тиража и знакомства с новинкой читателей мне даются куда сложнее, чем сам процесс написания текста. Поэтому я решила тогда, в ноябре 2021 года, что пора анонсировать готовящуюся к выходу книгу, чтобы, пока я внесу последние штрихи в её содержание, уже была определена её дальнейшая судьба. «СОВетовские уроки» – мой первый опыт литературы нехудожественной, а потому мне оказалось в данном случае гораздо важнее позаботиться о том, чтобы текст нашёл свою аудиторию. ¹

Но внезапно вышло всё наоборот: уже были найдены первые читатели, с нетерпением ждущие книгу, достигнуты до-

¹ Мои художественные книги издаются под псевдонимом Аврора Ливрова.

говорённости с площадками для проведения презентаций, привлечены спонсоры для заказа тиража, задействован талантливый дизайнер, оформивший обложку моей мечты, – а текст так и застрял на стадии «почти готово». Я страшно переживала, понимая, что всех подвожу, что вышли все обещанные мной и мной же многократно переносившиеся сроки, но меня словно заколдовали или прокляли: без малого год или наваливались личные обстоятельства, или некие внешние, потрясавшие всё общество, катаклизмы то в одной то в другой форме мешали мне завершить начатое.

А сегодня, поставив наконец последнюю точку и перечитав, что получилось, я с изумлением задумалась: что же могло казаться мне «почти готовым» прошлой осенью, если столь многое из вошедшего в мой труд было навеяно событиями именно последних месяцев? Ответ на этот вопрос уже не отыскать: работая над текстом столь долго, возвращаясь к нему порой после недельных перерывов, компилируя черновые заметки, в рукописном и электронном виде накопившиеся тем временем в огромном количестве, я ни за что уже не вспомню первоначальный замысел. Очевидно лишь, что, если бы книга увидела свет год назад, она была бы минимум в половину менее богата фактами и выводами. И, утешая себя теперь в отношении непростительно затянувшихся дедлайнов, должна признать – отчасти в своё оправдание, а отчасти просто справедливости ради, – что в том виде, в каком они попадут в итоге к читателям, «СОВетовские уроки»

могли появиться только сейчас. Похоже, им необходимо было как следует «вызреть».

За исключением самой СОВет в тексте почти нет упоминаний имён собственных – ни лиц, ни организаций. Мне подумалось, что жанр Книги в отличие от статьи работает на вечность, а не злободневность, а потому это не место для «полезных ссылок», которые рискуют устареть уже спустя пару месяцев. Если вы через несколько лет вспомните про это издание и решите снять его с полки, чтобы перечитать фрагменты, многие учреждения, о которых я рассказываю в тексте, уже успеют сменить название, или модифицировать принципы работы, или и вовсе закрыться – и прикладного характера у моих точных отсылок к ним не останется. Зато общее описание процессов третьего сектора и выводы, основанные на опыте выживания и развития миниатюрной благотворительной организации, сохранят и интерес, и актуальность, и со временем даже обретут историческую ценность. Я полагаю, части моего повествования, которые могут быть кем-то восприняты как практические рекомендации, тем не менее даже в том обобщённом виде, в котором они в результате изложены, способны придать верное направление действиям тех, кто пожелает ими воспользоваться.

Кроме того, обезличенность как стиль книги в целом избавил меня от деликатного замалчивания и ретуширования персонажей, фигурирующих в негативном ключе. Понимая, что любой авторский труд субъективен, я не хотела бы в гла-

зах широкого круга читателей компрометировать кого-то из людей и организаций, которым в рамках своих воспоминаний не могу дать иную оценку кроме отрицательной.

Также пояснений заслуживают некоторые многократно встречающиеся в тексте слова, в отношении которых существует путаница в связи с расхождением их значения в обывательском языке и в роли отраслевых терминов. Поскольку их значения и границы употребления размыты, есть необходимость уточнить, что именно под ними имеется в виду в данной книге.

, в общем-то, уже закрепился в языке как довольно однозначный термин, однако для людей, далёких от данной отрасли, иногда возникает риск путаницы с паронимом «третичный сектор экономики», который был введён в понятийный аппарат социальных наук Аланом Фишером и означает сферу услуг в противовес добыче сырья и промышленному производству. Не имея с этой моделью ничего общего, третий сектор, который не раз будет упоминаться в моей книге, означает совокупность благотворительных структур, тогда как первые два сектора, которым он противопоставлен, представлены государственными органами и бизнесом. *Третий сектор*²

В следующих разделах книги будет основательно рас-

² Паронимы – лексические единицы (слова и устойчивые выражения), похожие по звучанию и написанию, что часто приводит к их путанице, но разные по значению.

сказано о том, какие бывают некоммерческие организации. И мы убедимся, что далеко не все они благотворительные. Однако, во избежание плеоназмов и тавтологий, там, где контекст, на мой взгляд, позволяет такого рода обобщения, я использую понятия и (реже) как синонимы. **НКО (некоммерческая организация)**. *НКО фонды благотворительных организаций*

признаётся исследователями «ускользающей концепцией»: полагают, что можно насчитать «десятки, а то и сотни» определений понятия, и причины такого многообразия подходов кроются в «изобилии позиций по ключевым вопросам, которые раскрывают его смысл». Не претендуя на универсальность, давайте условимся, что на страницах этой книги я использую словосочетание «гражданское общество» и слово «граждане», когда говорю об индивидах, участвующих – активно или пассивно – в благотворительности и волонтерстве вне каких-либо учреждений – коммерческих, некоммерческих или государственных, самостоятельно, представляя своими действиями и мыслями только самих себя как физических лиц. **Гражданское общество** ³

Есть также слова, которые я стараюсь не употреблять, хотя в ряде контекстов они уместны, приняты сектором, закреплены в качестве устойчивых выражений или даже терминов. Ввиду их распространённости мне не удаётся полностью до-

³ Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. – М., Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013, с. 170—172.

стичь их искоренения из моего лексикона за счёт перифраз и синонимов (хоть я и стараюсь), а потому для меня важно на первых же страницах пояснить моё восприятие их.

. Как гласит пословица библейского происхождения, «да не оскудеет рука дающего». Эта же мысль встречается в моей любимой книге Эриха Фромма «Искусство любить»: «Давать приносит больше радости, чем получать, не потому, что это – лишение, а потому, что этим актом я подтверждаю тот факт, что я жив». Слово «пожертвование» содержит в самом своём корне идею уступки, самоотречения, отказа от чего-то ценного. На самом же деле человек занимается благотворительностью, когда может и готов делать добро, ничего не теряя, но лишь получая удовлетворение, не беднея, а в метафорическом смысле, напротив, обогащаясь. Вот почему применимо к средствам, выделяемым на помощь нуждающимся – в частности нашим подопечным – мне уместнее кажутся «банковские» термины «вклады» и «взносы». Но понятие «пожертвование» обойти не всегда уместно – как минимум потому, что оно зафиксировано в Гражданском кодексе (ст. 582): так закон рекомендует называть «дарение вещи или права в общепользных целях». *Пожертвования* ⁴

От обоих этих слов веет снисхождением. В них как будто заложен оттенок смысла: «Зверушки никому не нужны,

⁴ Перевод с английского А. В. Александровой. Цитата в оригинале: «Giving is more joyous than receiving, not because it is a deprivation, but because in the act of giving lies the expression of my aliveness».

но из милости давайте их приютим, временно у себя подержим и куда-нибудь пристроим». А СОВет в участь своих подопечных вкладывает в корне другой посыл. Животные приносят радость, и мы работаем над тем, чтобы ввести моду на традицию их заводить, поэтому получающие питомца должны считать это за престиж и честь, а не оказываемое ими одолжение. Процесс попадания питомцев в дом – это, в моём понимании, взаимный поиск друг друга, а во все не навязывание животных людям. *Передержка и пристройство.*

. Существует в русском языке некая двусмысленность со сложными словами, оканчивающимися на . Правозащитный – это защищающий права, а вот солнцезащитный, несмотря на точно такое же морфемное образование, это защищающий не солнце, а от солнца. И когда я ознакамливаюсь с некоторыми зоозащитными законопроектами и концепциями, у меня остаётся двойственное впечатление: собираются ли они защищать животных от злоупотреблений людей или интересы людей от животных без заботы о последних. Кроме того, слово вызывает ассоциации со стоящим за ним образом. А ряд зоозащитников сформировали такой имидж, с которым ассоциироваться не слишком бы хотелось. В связи с отсутствием другого ёмкого термина, обобщающего движение, занимающиеся благотворительной деятельностью в поддержку животных, я, конечно, вынуждена говорить о принадлежности моей организации к зоозащите,

но всякий раз, когда мне приходится произносить или писать это слово, да ещё и применимо к СОВет, внутри меня недовольно морщится воображаемый котик. *Зоозащита - защитный*

. Здесь, видимо, сыграли роль мои личные ассоциации – которые, впрочем, подозреваю, мало расходятся с узуальными. При слове «доброволец» в моей голове возникает образ либо дружинника из народного ополчения, либо пионера в красном галстуке, несущего сдавать металлолом. При слове «волонтёр» – хотя я, как специалист по гражданскому обществу, прекрасно знаю, насколько разных возрастов и иных социальных параметров люди попадают под это определение – мне представляются молодые люди с подчёркнуто оптимистичными улыбками в ярких футболках. А вот при уточнении «волонтёр-зоозащитник» – пожилая кудрявая дамочка с энергичным голосом, выкрикивающим лозунги в поддержку кошек и собак. Я ничего не имею против всех этих людей, они хорошие. Но при чём здесь СОВет?.. Поэтому тех, кто причастен к нашей деятельности, я в зависимости от степени и характера их причастности обычно зову или членами Правления, или помощниками, или стажёрами.

Волонтёр, добровольчество

. На первый взгляд, безобидная и давно устоявшаяся традиция величать так человека, содержащего питомца (в связи с чем избегать в речи этого слова в соответствующих контекстах у меня получается хуже всего). Но почему-то, если

мне радует слух, когда меня называют хозяйкой дома, меня корбит, когда меня называют хозяйкой моих котов. В словаре Ожегова мы найдём в толковании слова «хозяин» два основных посылы: владение чем-либо и распоряжение кем-то, кто находится в подчинении. Проецируя эти постулаты на животных, мы подспудно отказываем им в уважении. Если ставить акцент на второе значение, мы тем самым подчёркиваем свою власть над ними; если же на первое, то мы соглашаемся с законодательной несправедливостью, допущенной российским Гражданским кодексом, согласно которому животные приравниваются к имуществу (ч.1, ст.137). В ноябре 2016 года на зоофоруме ProZoo я выписала одну цитату из речи члена Общественной палаты Артёма Кирьянова про концепцию отказа от имущественного подхода к животным: «Животное не собственность, а субъект права с ограниченной дееспособностью, при котором хозяин – опекун». В этом направлении, на мой взгляд, и следует развивать идеологию. Поэтому я не очень люблю называть себя хозяйкой Тихона и Пряника. Они мой коты, а я их человек, не более того. **Хозяин**

28 ноября 2022 г.

1. От ожиданий к реальности

Пожалуй, подобную книгу, основанную во многом на личном опыте и на историях из жизни своей собственной организации, автор должен начать с того, чтобы представиться. И первое, что я в этом самопредставлении считаю нужным сообщить, – это моё образование.

Дело в том, что сама я крайне не люблю, когда люди голословно провозглашают себя экспертами и позволяют себе издавать тексты, читать лекции и проводить тренинги по темам, о которых совершенно неясно, откуда они вообще имеют понимание. Например, сплошь и рядом встречаются коучи личностного роста, которые по диплому не психологи, как было бы логично от них ожидать, а экономисты. Не менее часто в нашем перевернутом с ног на голову мире подсовываются ещё более странные эталоны: люди, которые в принципе ничему толком не учились, кроме как (надеюсь, что хотя бы) школьным предметам, но решили учить других, потому что достигли «Успеха», измеряемого обычно количеством подписчиков в соцсетях и прибылью с рекламы. Проблема в том, что делиться они пытаются не самим «Успехом» (что было бы с их стороны мило и щедро, но нет, увы), а «Знаниями». Но сложно делиться тем, чего у тебя самого нет.

Да, я придерживаюсь консервативного подхода и уверена,

что, как ни многое может дать нам в любом деле практика, основываться она должна на теории, чтобы человек получал всё же комплексное представление о сфере своей работы.

Итак, обосновать своё решение о создании этой книги по вышеназванному критерию мне не составит труда. В 2014 году я получила красный диплом магистра, защитив выпускную квалификационную работу на Кафедре экономики и управления в негосударственных некоммерческих организациях НИУ ВШЭ. И моя дальнейшая деятельность в третьем секторе стала закономерным продолжением интереса к профильным университетским предметам. Во время учёбы нам часто давали в рамках семинарских занятий задания на моделирование, в которых так или иначе обыгрывался вопрос «Если бы вдруг вы открыли НКО, что за организация это была бы?». И, из раза в раз проигрывая гипотетическую ситуацию, я снова и снова «открывала» то, что в итоге и открыла – клинику, в которой могли бы безбарьерно получать ветеринарную помощь нуждающиеся животные.⁵

Казалось бы, всё сложилось чудо как гармонично: изучила со всех сторон теорию – через год стала применять её на практике.

Но все вы наверняка не раз слышали тезис о том, что, погрузившись в реальную жизнь, человек понимает, что те-

⁵ Очень может быть, что за счёт разного рода процессов реструктуризации вуза на момент чтения вами этой книги кафедра уже называется иначе – но в моём дипломе она значится именно под таким именем.

перь пора забыть всё, чему его учили, и учиться заново – уже не по учебникам и конспектам, а непосредственно в процессе работы.

И вот, при всём моём уважении к образованию, о котором я рассуждала выше, я вскоре начала подозревать, что меня ждёт нечто подобное.

Первым насторожившим меня «тревожным звоночком» стала реакция моей научной руководительницы, когда я поделилась с ней планом учредить СОвет. Она стала меня отговаривать! Она, два года учившая меня, как прекрасен мир благотворительных организаций, и, пожалуй, больше всех виновная, что в мою голову пришла подобная идея!..

Через некоторое время я догадалась, в чём подвох.

Рассказывая на лекциях вдохновляющие вещи о третьем секторе, нам забыли сказать, что...

...все инструменты фандрайзинга доступны только после первого года работы НКО, когда она уже «проявит себя», а вот каким чудом и на какие средства ей в течение этого самого первого года выживать и себя проявлять, сведений нет;

6

...изучение законодательства об НКО и требований к подготовке учредительных документов никак при регистрации не поможет, потому что в Минюсте, особенно в территори-

⁶ Фандрайзинг (от англ. – «денежные средства, капитал», – «увеличение, повышение») – совокупность мероприятий по привлечению ресурсов для реализации социально значимых задач и поддержания существования некоммерческой организации. *fundraising: fund raising*

альных его органах, ничего из этого не изучали, а значит вполне могут из раза в раз возвращать на доработку устав, заставляя править соответствующие ФЗ №7 пункты на противоречащие ему;⁷

...никаких льгот в плане административных расходов для НКО не предусмотрено, их множество для ИП, а вот благотворительные организации расцениваются как обычное юрлицо, а потому все госпошлины, банковские комиссии и пр. оплачивают в полном объёме

А ещё прикладной литературы, как наладить работу НКО, практически не отыскать. Ориентированной на российские реалии – так и подавно. Есть либо фундаментальные исследования, либо пособия по общему менеджменту, которые весьма с большими оговорками можно применять в третьем секторе. И с тем и с другим мне доводилось ознакомиться, потому что я, не сдаваясь, годами продолжала примирять упорно расходящиеся, как круги на воде, теорию и практику и пыталась подкреплять последнюю первой.

Сначала, сразу после выпуска из магистратуры, я пошла работать в научный центр, который занимается как раз проблематикой некоммерческих организаций и гражданского общества. За полтора года погрузилась во множество материалов со статистическими данными, интересными подходами к благотворительности и волонтерству отечественных

⁷ Федеральный закон от 12.01.1996 №7-ФЗ «О некоммерческих организациях».

и зарубежных исследователей... И вспоминается мне шутка физиков о том, что «по законам аэродинамики шмель летать не должен, но он об этом не знает и всё равно летает». Примерно также функционируют большинство НКО и неформальных сообществ: изо дня в день решают насущные задачи в рамках своих уставных целей, даже не подозревая, что там про них пишут в рецензируемых монографиях учёные мужи.

Потом, когда моей СОвет было уже три годика, я отыскала более, на первый взгляд, прикладной способ повысить квалификацию и записалась на курс так называемой школы руководителя НКО. И именно тогда меня посетила впервые идея написать эту книгу. После того как в ходе первого модуля нам дали в качестве домашнего задания работу со списком рекомендованной литературы, а первым номером в ней стояло произведение Алекса Фергюсона «Уроки лидерства. Чему меня научила жизнь и 27 лет в «Манчестер Юнайтед». Я с начальной школы привыкла выполнять домашку, поэтому честно прочитала, что велено. Но так и не нашла, чем «опыт самого успешного тренера в истории футбола» мог бы мне пригодиться в управлении благотворительной организацией. Девочки в Правлении СОвет разве только ну совсем отдалённо походили на профессиональных футболистов (к счастью), и насущная проблема, где достать средства на лечение социально незащищённых животных, имела крайне мало общего с задачами, стоящими перед

британским спортивным клубом.

Другие книги и разработанные авторами курса презентации вызывали недоумение меньше, и некоторые полезные вещи я из них узнала. Есть принципы общего менеджмента, которые в равной мере применимы к управлению любой структурой, будь то бизнес, государственный сектор или НКО. И всё же от специализированного курса, ориентированного на представителей именно некоммерческих организаций, конечно, ждёшь адаптации под соответствующие реалии и потребности. Но, к сожалению, предложенная нам профессиональная литература, во-первых, практически полностью была представлена зарубежными авторами – тогда как в российской действительности далеко не всё в сфере благотворительности совпадает с европейским или британским мироустройством, а во-вторых, содержала примеры, на 90% взятые чисто из коммерческой среды – то есть управленцу НКО они скорее добавляют путаницы, нежели иллюстрируют, как объяснённые в теории механизмы могут послужить в его деятельности.

. И, осознав, в каком дефиците в России отечественная прикладная литература, разбирающая насущные проблемы некоммерческих организаций, я взялась за черновик этой книги. **Если я вижу, что в мире чего-то не хватает – чего-то, что, на мой взгляд, ему было бы нужно, – меня сразу посещает мысль и желание это миру дать**

Получившийся у меня труд не претендует на репутацию .

Как минимум я, разумеется, не могу не признавать, что моя организация пока так и не стала вполне крупной и знаменитой. На фоне многих выдающихся фондов наши достижения более чем скромны: парочка грантов на довольно небольшие суммы; годовой бюджет, измеряющийся сотнями, а не миллионами тысяч рублей; социальные сети, даже не стремящиеся сравняться по охвату со звёздными блогерами. И тем не менее я верю, что моя книга способна подарить отрасли как минимум три полезных пункта. *идеального*

Во-первых, кто-нибудь, возможно, прочитав начало этой главы захочет поспорить, что есть-таки уже в российской литературе примеры «историй успеха» НКО и я вовсе не первопроходец на этом поприще. И, открыв полемику, напомним о других трудах, обратив на них внимание заинтересованных читателей и сделав авторов заслуженно более известными.

Во-вторых, не исключено, что кто-то из коллег по третьему сектору – в том числе представителей более впечатляющих своим масштабом организаций – вдохновится моим делом и надумает тоже написать книгу о своей НКО. Ведь каждая благотворительная организация – это своя судьба, своя история, и её учредителю обязательно есть что рассказать о «детище». И, с одной стороны, это непременно будет уникальный опыт, но, с другой стороны, из него обязательно можно извлечь типовые уроки, которые станут подспорьем единомышленникам, работающим в смежных направлениях.

Наконец, в-третьих, названные мной ранее нюансы, свя-

занные с СОВет – относительная миниатюрность её бюджета, размера, аудитории – являются одновременно и теми факторами, которые делают её опыт ценным, чтобы им делиться. Ведь медленный темп развития моей организации обусловлен двумя причинами: старт с полного нуля и постоянное совместительство руководства НКО с другой «основной деятельностью».

Поясню оба эти аспекта. Довольно часто благотворительные фонды учреждают медийные личности. Поскольку это люди, мягко скажем, небедные, они в состоянии позволить себе инвестировать в своё новое намерение, и организация сразу обрастает штатом профессиональных сотрудников, с оплатой труда которых проблем не возникает. К тому же публичность создателя фонда снимает и вопрос с пиаром стартапа – аудитория человека перетекает в аудиторию юрлица. Точка зрения, что, чтобы заниматься благотворительностью, надо сперва стать обеспеченным и влиятельным, достаточно популярна, в частности именно её придерживались мои родственники, которые, узнав о планах открыть СОВет, пришли в ужас. Но остановить меня не удалось: я хотела лечить животных, остальное было вторично. Так и вышло, что «Социально ориентированная ветеринария» не может похвастаться достойным учредителем, который, используя свои связи и средства, сразу обеспечил бы ей взлёт и стабильность. Её учредителем оказался человек из небогатой семьи, только что окончивший институт. Но ро-

дителей не выбирают – и моё детище волей-неволей стало как-то расти и выживать в таких трудных условиях, постепенно разрушая вокруг себя стереотип, будто в благотворительность может прийти не кто угодно.⁸

Второе, что мешало горемычной СОВет, – моя постоянная вовлечённость в другие дела. На протяжении всех лет существования организации я совмещала руководство ей то с работой, то с учёбой, то с тем и другим одновременно. Точно так же поступали и все мои помощники, входившие в разные годы в Правление. Деятельность в СОВет никогда ни для кого из нас не оплачивалась, а потому каждый из нас неизбежно был вынужден иметь параллельно занятость, которая бы «кормила». Периодически моя склонность к перфекционизму шептала мне, что, раз я так плохо справляюсь с обязанностями руководителя и организация неделями бывает брошена без моего внимания, не правильнее ли её закрыть вообще. Обычно именно в такие моменты меня настигала новость об очередном спасённом пациенте и благодарность от его опекуна за то, что СОВет существует. Это и заставляло меня каждый раз приходить к выводу, что ладно уж, пока закрывать не надо, пусть ещё поработает как по-

⁸ Как показывают социологические опросы, 80% россиян полагают, что уровень их доходов не позволяет им совершать денежные пожертвования, и филантропией занимаются преимущественно люди, принадлежащие к «высокоресурсным категориям населения». (Потенциал и пути развития филантропии в России. Под ред. И. В. Мерсияновой, Л. И. Якобсона. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики. С. 214—215.)

лучается. И с удивлением я обнаруживаю, что каким-то чудом «Социально ориентированная ветеринария» пережила самый трудный свой первый год и знай себе продолжает развиваться. Да, очень медленно. Но развиваться – не деградировать и даже не стагнировать.

И потому мне кажется, что наша история заслуживает быть рассказанной. Пусть она помогает тем, кто, отговариваемый со всех сторон от своей затеи, всё же чувствует, что не может подавить в себе желание ввязаться в решение социальной проблемы, которая трогает его за душу, даже если ничего из реальных ресурсов для этого нет. Я точно знаю, что . А значит и многое другое сделать удастся. **прекрасно можно сделать сеть ветеринарных клиник, где лечатся попавшие в беду животные *из ничего из него***

Вернёмся теперь как раз к тому моменту, когда ещё . Вернее, конечно же, не совсем ничего: в 2015 году я имела профильный диплом, теоретические знания, вытекающую из них и из моего юного возраста наивность, веру в свою идею и твёрдое намерение её воплотить. В моём мире паслись розовые единороги (пасутся, кстати, до сих пор, никуда не делись), и я была убеждена, что всё человечество мечтает откликнуться на добрый проект создания бесплатной клиники для животных. *не было ничего*

Я изучила Федеральный закон №7 «О некоммерческих организациях», с которым уже была знакома благодаря магистратуре, и села писать Устав. Контекстная реклама Яндекса

настойчиво подсовывала мне объявления фирм, предлагающих регистрацию НКО «под ключ» всего за 15 тысяч рублей (без учёта госпошлины), но я с презрением их закрывала: неужели я да сама не справлюсь, я же два года учила всё про некоммерческие организации, что сложного в подготовке учредительных документов.

В подготовке – ничего. Сложности начались после посещения управления Министерства юстиции по Липецкой области. Где устно мне было сказано дословно следующее: «Мы такое зарегистрировать не можем, потому что такого никогда не было». Конечно же «такого» не было, ведь это новая организация... В ответ на моё недоумение местный чиновник стал приводить мне в пример разные известные ему городские фонды и говорить, что если бы нечто наподобие, то можно было бы и зарегистрировать, а вот чтобы финансировать лечение нуждающихся животных – «такого не было». Не было и не будет, стоял он на своём. Объяснять ему, что в рамках благотворительной деятельности возможны разные формы и направления, а новизна подхода к решению проблемы отнюдь не является основанием для отказа в приёме документов, оказалось бесполезно. Меняйте концепцию и подавайте заново. Госпошлину за первую попытку, естественно, не вернём.

Пытаясь усложнить жизнь мне, себе он её при этом старался облегчить, склоняя меня закрыть неудавшуюся процедуру регистрации, довольствуясь лишь этим разговором

в его кабинете. Очень расстроился, когда я непреклонно сообщила, что нужен официальный письменный отказ.

Бюрократия ничего не знает о скорости и эффективности, а потому запрошенный мной отказ был направлен почтой России по адресу моей постоянной регистрации, который от моего фактического места проживания на тот момент отделяли пятьсот километров, несмотря на указанные в документах и прекрасно известные отправителю контакты для оперативной связи со мной.

Через два месяца эта вымученная минюстовцем бумага была-таки мной получена. Я хранила её в столе вплоть до написания этой книги: перечитав для уточнения описываемых мной деталей, решила наконец сдать в макулатуру. Это не те воспоминания, которые нуждаются в бережливом отношении.

В заверенном подписью отказе боявшийся нового чиновник, разумеется, не осмелился написать в качестве основания «такого никогда не было». Вместо этого он придрался к тому, что в Уставе СОВет предполагалось избрание Руководителя (единоличного исполнительного органа) Правлением (высшим коллегиальным органом), тогда как согласно статье 123.25 ГК РФ единоличный исполнительный орган должен назначаться учредителем.

На самом деле я не с потолка взяла свою версию про участие Правления в определении кандидатуры Руководителя, а из федерального закона о некоммерческих организациях,

но, получив отказ, который содержал помимо этого пункта ещё ряд придирок к тексту, всё же решила прислушаться к позиции регистрирующего органа и внести соответствующие исправления. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, зря.

Итак, к моменту получения письменного мотивированного отказа я приняла решение подавать документы на повторную регистрацию в Москве. С одной стороны, лелеяла надежду, что столичные бюрократы вряд ли так сильно шокируются организацией, которой «никогда не было», как региональные. С другой – жизненные обстоятельства плавно подводили меня к повторному переезду в город, где я ранее училась.

Московское управление Минюста оказалось немногим приветливее липецкого: процесс регистрации растянулся на пять месяцев вместо положенных трёх недель. С августа по ноябрь я пыталась получить хоть какую-то обратную связь, но тщетно. На выдачу документы не передавались, о чём я каждый раз узнавала, отстояв соответствующую очередь – всегда огромную, так как приёмные часы назначались далеко не каждый день; человек в окошке никогда не знал и не хотел узнать, где и на какой стадии решение по нашему вопросу, предлагая звонить за информацией по номерам, которые никогда-никогда не отвечали. Наконец, с появлением первого снега, удалось выяснить, что вновь пришёл отказ – всё туда же, по адресу из моего паспорта. Минюстов-

ским чиновникам нравилось общаться со мной максимально долгим и неудобным способом. Так же гораздо интереснее, чем просто отвечать на телефон в рабочее время.

И к чему же, вы думаете, придрался столичный куратор моей новой заявки? К тому, что согласно новой версии Устава СОВет исполнительный орган должен был формироваться Учредителем, тогда как ФЗ №7 требовал отнести это к исключительной компетенции Правления. «Да, я знаю, я уже выучила этот закон наизусть и первоначально так и писала в Уставе, но ваш коллега из регионального управления министерства обратил внимание на Гражданский кодекс, где сказано обратное, после чего я исправила текст!» – попыталась я возразить, записавшись, ценой невероятных ухищрений, на личный приём к куратору. «У нас в методических рекомендациях сказано, что ФЗ важнее ГК», – сообщил чиновник. В Липецке, видимо, другие методические рекомендации. Госпошлину конечно же не вернём, если хотите зарегистрировать-таки организацию, правьте обратно проблемный пункт и начинайте процедуру заново с нуля.⁹

Прошло семь лет. Противоречие в законодательстве так не устранено: работая над этой главой, я вновь проверила те самые статьи в актуальных на сегодняшний день редакциях нормативно-правовых актов. В минувшие годы я чуть ли не каждого попадавшегося мне на глаза юриста спрашивала, чисто из любопытства: в случае расхождения предписа-

⁹ Статья 29, пункт 3.

ний в кодексе и в федеральном законе – кому верить? Сам факт расхождений никого из юристов ни разу не смутил: они к такому привычные, не то что я, для них противоречащие друг другу документы государственной важности в порядке вещей. В вопросе, какой же из нормативно-правовых актов главнее, мнения разделились примерно пополам. Так же, как между двумя управлениями Минюста, с которыми мне довелось общаться.

«В третий раз закинул старик невод». На сей раз золотая рыбка мне всё же досталась. Пытаясь всех примирить и совместить несочетаемое, я включила в Устав следующую фразу: «Единоличный исполнительный орган Организации – Руководитель, ежегодно назначаемый Учредителем сроком на один год через Правление, к исключительной компетенции которого относится образование исполнительного органа». С ней мы в итоге и живём. Чиновничьи аппараты же любят, когда написано непонятно. Чем непонятнее, тем лучше. Поэтому, как только формулировка перестала иметь смысл, она сразу удовлетворила регистрирующий орган.^{10 11}

На протяжении нескольких лет я, властью, данной мне самой собой, переназначала себя Руководителем ни с кем не советуясь: Правление в первые годы то состояло у меня из формальных имён, «мёртвых душ», то слишком быстро обновляло свой состав, чтобы уместно стало поднимать во-

¹⁰ Реминисценция из «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина.

¹¹ Пункт 5.2.3 Устава АНО СОВет.

прос о допуске кого-либо кроме меня к . Когда же однажды я созрела передать руководство организацией другому человеку, мы всем коллективом вчитывались в этот трижды переделанный пункт Устава и не могли понять, как, собственно, мы должны провести процедуру. Что значит «Учредитель назначает через Правление»? Нынешних членов Правления на момент регистрации в СОвет ещё не было, а потому все спрашивали меня, как единственного человека, причастного к созданию основополагающего документа организации: что ты имела в виду под этими премудрыми строчками, когда писала Устав, что хотела ими сказать? А я ничего ими сказать не хотела, я хотела только, чтобы нам наконец присвоили ОГРН, и ради этого изобрела бы и ещё более замысловатое и неясное предложение, если надо... *праву подписи от лица организации*

Процедуру придумали. Таковую, какая нам удобна. В целом, про неё можно сказать, что да, Учредитель назначает Руководителя через Правление. И все довольны.

До того дня, когда нами был вылечен первый пациент, более года проект социальной ветеринарии боролся с бюрократией, и каждый шаг, каждый «чих» – это была отдельная боль.

Я уже упомянула, что с третьего раза регистрация состоялась, но если вы решили, что без приключений, то вы поспешили с выводами. Управление Минюста оставалось верно себе: оно не передавало готовые документы на выдачу,

не связывалось со мной и не отвечало на телефон никогда-никогда. Поэтому узнать о судьбе документов не представлялось возможным ещё несколько недель – пока название организации не появилось в открытых источниках. Мне не сразу пришло в голову проверить данные по реестру НКО, но когда, отчаявшись добиться нормального окончания процедуры от министерства, я это сделала, оказалось, что зарегистрировали СОВет ещё 1 декабря. А на дворе стояло 23-е. И буквально накануне я обивала пороги приёмного отдела: в стопке на выдачу наших бумаг по-прежнему не было.

Запас моего терпения истощился: после трижды оплаченной госпошлины и десятков часов, впустую проведённых в очередях, у меня осталось крайне мало лояльности к этому органу исполнительной власти. Я написала обращение в онлайн-приёмную, которое в общем-то вряд ли даже можно назвать жалобой: в нём просто излагалась ситуация с датами и высказывалась просьба выдать мне наконец учредительные документы, ибо я знаю, что они готовы, сроки для их получения давно прошли, «а воз и ныне там». И благодаря этому вежливому тексту вдруг оказалось, что: ¹²

– наш куратор, ещё недавно умевший только неторопливо слать письма в конверте на почтовый адрес в другой город, знает, где найти номер моего мобильного;

– наш куратор не возражает в исключительных случаях выдавать документы лично и в удобное заявителю время,

¹² Реминисценция из басни Ивана Крылова «Лебедь, Рак и Щука».

а не только через окошечко в приёмные часы.

Дело происходило 25-го декабря. Было ли это предновогоднее чудо или животворящее действие онлайн-обращения, но мне всё же посчастливилось заполучить наш пакет документов прежде, чем и без того вечно сонное министерство погрузится в ещё более глубокий сон на полмесяца в связи с праздниками.

Мытарства, естественно, на этом не кончились. Вскоре, например, выяснилось, что некоторые банковские сотрудники не готовы открывать расчётный счёт организации, чей юридический адрес является квартирой. Ни Минюст, ни налоговую сия деталь не смутила, а вот менеджер банка решил, что напрасно нас зарегистрировали, какие-то мы неправильные. Нечто подобное я уже слышала: «такого никогда не было». Вспомнив благодаря этому дежавю, как я ранее поступила в аналогичной ситуации, я лишь порадовалась, что если для смены управления Минюста надо ехать в другой город, то для выбора более сговорчивого и адекватного отделения банка достаточно пройти до соседней улицы.

Тем временем наступил конец января. С учётом новогодних каникул, на период которых мир обычно словно замирает, мне показалось, что наступил он прям сразу после выдачи мне документов Минюстом, не успела я ни опомниться, ни глазом моргнуть. И в связи с наступлением конца января СОВет – впервые в её совсем ещё короткой жизни – пришлось сдавать отчётность... за прошлый год. Существовала

она от прошлого года всего месяц, а узнала я о её свежена-
чавшемся существовании и вовсе на последней в году неде-
ле, о ведении деятельности даже речи ещё не шло – однако
три формы в три госоргана на нескольких листах каждая мы
сдали. И понеслась...

Я потратила на процесс регистрации так много ресурсов,
что в какой-то момент меня посетило мимолётное ощущение,
будто получение соответствующих свидетельств и вне-
сение СОВет в ЕГРЮЛ – это повод для радости. Теперь-то
ничто не мешает моей организации наконец начать рабо-
тать – официально, по всем правилам, как меня в магистрату-
ре учили. Не мешает. Ничто. Кроме отсутствия средств
и их источников, потому что и грантодатели, и спонсоры но-
вым организациям (да-да, тем, которых ещё недавно «ни-
когда не было) помогать не хотят: ждут сначала конкрет-
ных действий, которые надо осуществить, профинансиро-
вавшись, видимо, из воздуха.¹³

Поиск решения привёл меня к выводу, что оптимальный
для нас выход – это краудфандинг: ведь сама суть систе-
мы подразумевает работу именно со стартапами. По край-
ней мере так гласили обещания на порталах, приглашав-
ших авторов новых проектов приступить к сбору средств
с их помощью. Однако... На одной из двух функциониру-

¹³ Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ) – информаци-
онный ресурс, в котором собраны общие сведения о зарегистрированных в Рос-
сии юридических лицах. За актуальностью опубликованных в нём данных следит
Федеральная налоговая служба (ФНС).

вавших в России и имевших на тот момент известность краудфандинговых площадок мы получили следующий ответ на созданную нами по всем правилам платформы заявку: «К сожалению, пока мы не можем разместить Ваш проект на нашем портале. Отказ мотивирован тем, что Ваша организация еще очень молодая, информации о ней почти нет. Давайте останемся на связи и попробуем поработать спустя некоторое время». ^{14 15}

«Спустя некоторое время» мы действительно возобновили сотрудничество с данной площадкой, и вполне успешно реализовали на ней немало проектов. Тогда же, «на заре» существования СОвет, на наше счастье проект приняли её конкуренты. Наш первый краудфандинг «Ветеринария, доступная каждому» был запущен на месяц. Той весной у меня было много амбиций и мало опыта, поэтому, чтобы не мелочиться, я заявила в качестве «финансовой цели» проекта сумму 300 тысяч рублей. Собрали мы из них чуть более 24 тысяч. Если обычным авторам проектов – физическим лицам и коммерческим организациям – в таком случае средства не передали бы вообще, признав проект несостоявшимся и возвратив спонсорам их взносы, то создателям благотворительных инициатив, по условиям платформы, собранная

¹⁴ Краудфандинг (от англ. – «толпа», – «финансирование») – коллективное финансирование стартапа множеством спонсоров, каждый из которых может участвовать в поддержке проекта любой суммой. *crowd funding: crowd funding*

¹⁵ Дословная цитата из письма.

сумма передавалась в любом случае. Это был первый плюс, который удалось-таки ощутить от того, что организация зарегистрирована в качестве НКО.

Тот факт, что двадцать четыре тысячи существенно меньше трёхсот, меня, безусловно, огорчил, но, с другой стороны, двадцать четыре тысячи также существенно больше нуля, а ведь ещё недавно бюджет организации составлял именно ноль. С той минуты, как СОВет заполучила хоть какие-то первые «гроши» на свой расчётный счёт, удержать её от начала деятельности уже было невозможно.

2. СОВЕТ да любовь

В первой главе я начала историю СОВЕТ как будто бы, да не совсем: есть ещё пролог. Специализация высшего образования, привитый научным руководителем интерес к благотворительности, работа в центре исследований третьего сектора – всё это благоприятствует учреждению собственной некоммерческой организации, но всего этого недостаточно, чтобы решиться вдруг на её открытие. Если даже в институте тебя научили (вроде как) управлять НКО, это ещё отнюдь не повод проснувшись однажды утром отнести документы в Минюст. Нужна предпосылка. *сначала*

Вы не сможете заниматься благотворительностью, если вы не любите кого-то или что-то, на чьё благо готовы трудиться. Ведь материальной мотивации на этом поприще не бывает, только желание делать лучше. Поэтому в основе всего в третьем секторе лежит . К людям, к детям, к животным, к обществу и отдельным его слоям, нуждающимся в защите... К родине, к природе, к планете, к справедливости... **НКО рождаются из любви, которая преодолела страдание.**
любовь

Но сама по себе любовь не толкает на действия. Вы можете пассивно любить хоть весь мир, занимаясь при этом собственными делами. Должно произойти нечто, что ранит ваше любящее сердце. И тогда, задетые за живое, вы задумаете

тесь, что можете сделать для предмета своей любви. И вам даже вдруг покажется, что вы это сделать обязаны.

Животных я люблю сколько себя помню. Рано проявившийся гуманитарный склад ума дал понять, что о профессиях зоолога и ветеринара мечтать не стоит. Я получала одно за другим образования, никак не связанные с миром фауны, но меня не покидала потайная мысль как-нибудь их совместить с волнующей меня темой и употребить мои знания на пользу братьям меньшим.

В 2012 году не стало Алисы – кошки, которая жила у моей бабушки. Я в общем-то считала её и своим питомцем тоже. Судьбу Алисы нельзя назвать трагичной: взяли мы её ребёнком, от домашней кошки, а не из каких-нибудь ужасных условий, на протяжении всех отпущенных ей десяти лет (по кошачьим меркам возраста пусть и не бьющего рекорды долгожителей, но достаточно почтенного) любили и опекали... И хотя члены нашей семьи старались быть для неё хорошими хозяевами, уже тогда в меня закралось чувство, что не всё в этой истории правильно. Теперь же, после семи лет работы в ветеринарной организации, я понимаю, сколь много ошибок было допущено людьми в отношении этой кошки. Начиная с её появления на свет – ведь Алиса была единственным выжившим котёнком из помёта, тогда как ещё пятерых по старой деревенской традиции утопили в младенчестве. Продолжая условиями её содержания – ни в рационе питания, ни в регулировании полового инстинкта кошки ни-

кто не консультировался со специалистами. Заканчивая её уходом из жизни – Алису эвтаназировали, когда ветврачи обнаружили у неё неизлечимо запущенную стадию онкологии. Меня не было в те дни в городе и о случившемся я узнала позже, поэтому не могу судить, существовал ли всё же иной выход.¹⁶

Примерно в то же время практически на моих глазах у нескольких знакомых происходили похожие истории с их питомцами. Я всё острее замечала необходимость как-то решать проблемы, которые в нашем обществе окружали животных: слабая осведомлённость большинства владельцев о правильном уходе за четвероногими друзьями; незнание, куда обратиться при случае за информацией и помощью; дороговизна ветуслуг, неприемлемая для семей со средним доходом.

И именно с тех пор появление СОВет стало неизбежностью, хотя дату смерти Алисы отделяют от дня регистрации моей НКО три с половиной года.

Если театр начинается с вешалки, то организация – с названия, ведь не может проект быть внесён в реестр юрлиц безымянным. Кто-то считает, что «как вы яхту назовёте, так она и поплывёт», кому-то ближе пословица «хоть горшком назови, только в печь не сажай». Не переоценивая роли имени, я всё же с большим небезразличием отнеслась к вопросу,

¹⁶ Фотографию Алисы можно увидеть на стр. 104.

как мою организацию будут величать.¹⁷

Стараниями липецкого управления Министерства юстиции, с которым я вас частично познакомила в первой главе, полное официальное название НКО было из трёхсловного удлинено в трёхстрочное. И если изобилие добавленных при второй попытке регистрации оборотов имело целью лишь соответствовать казённому языку, который удовлетворил бы чиновников, то первоначально сформулированные мной три слова – «Социально ориентированная ветеринария» – были тщательно подобраны и обоснованы.¹⁸

В научном центре, где я в 2015—2016 гг. занималась проблематикой третьего сектора, мне часто доводилось слышать от разных экспертов, как непросто обстоят дела со статусом «социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО)». С одной стороны, среди многообразия НКО разных организационно-правовых форм выгодно выделяются, имея больше прав на разного рода льготы. С другой стороны, хотя понятие «СО НКО» и упоминается в законодательстве (см. статьи 31.1 и 31.2 ФЗ №7 «О некоммерческих организациях»), упоминается оно там очень уж расплывчато. Сказано, что органы государственной власти и местно-

¹⁷ Цитата из мультфильма «Приключения капитана Врунгеля», ставшая крылатой.

¹⁸ Полное название, под которым СОвет официально зарегистрирована: автономная некоммерческая организация «Центр защиты животных и социальной помощи населению в сфере их содержания «Социально ориентированная ветеринария».

го самоуправления оказывать поддержку неким социально ориентированным НКО, если те осуществляют в соответствии с учредительными документами определённые виды деятельности, тут же и перечисленные. Далее же уточняется, что, оказав этим СО НКО поддержку, власть имущие органы включают их в специальные реестры. И ситуация складывается довольно путаная. Во-первых, раз закон выделяет социально ориентированные организации в отдельный подвид, логично предположить, что предполагается некое особое к ним отношение. Вместе с тем органы власти и самоуправления не , а всего лишь такие организации поддерживать. А могут, стало быть, и не поддерживать. По желанию. А могут ли поддерживать вместо них другие, не признанные социально ориентированными? В общем-то тоже не запрещено; буквально несколькими строками выше всё в том же ФЗ находим такую фразу: «Органы государственной власти, органы публичной власти федеральной территории и органы местного самоуправления в соответствии с установленными настоящим Федеральным законом и иными федеральными законами полномочиями могут оказывать некоммерческим организациям экономическую поддержку». Здесь ни про какую социальную ориентированность речь не идёт, надежду на помощь из бюджета имеют любые НКО. *социально ориентированные могут обязаны могут*

Однако допустим, что всё же специальная подстатья была включена в закон не даром и, вероятно, некоммерческим

организациям, признанным-таки социально ориентированными, поддержкой заручиться проще. Если так, НКО оказываются крайне заинтересованы в получении этого статуса: хотя из формулировки с глаголом «могут» гарантий помощи не вытекает, лучше уж на всякий случай войти в число этих избранных организаций, про которые написана отдельная статья. Встаёт вопрос: кто же именно и на каком, собственно, основании, принимает сакраментальное решение о причислении некоммерческих организаций к лику социально ориентированных? И здесь уже законодательство ответа не даёт. Из упомянутой статьи 31.1 мы лишь знаем, что деятельность, осуществляемая СО НКО на основании их учредительных документов, должна соответствовать чему-то из перечисленных в этой самой статье направлений, чтобы сохранялась возможность помощи. Однако по факту практики третьего сектора постепенно заметили, что наличие в уставе организации направлений деятельности из данного списка и является единственным критерием для отличия обычной НКО от социально ориентированной, потому как никаких других критериев обнаружить ни юристам, ни экспертам, ни учёным, ни представителям самого некоммерческого сектора нигде так и не удалось.

Прослушав ряд семинаров, где затрагивалась данная проблематика, я сформировала в голове следующий алгоритм принципов, которыми следует руководствоваться, чтобы достичь процветания НКО:

– государственные и муниципальные органы с большей охотой поддержат организацию, если она признана социально ориентированной;

– чтобы убедиться, что организация признана социально ориентированной, государственным и муниципальным органам удобнее всего посмотреть, включена ли она в реестр СО НКО;

– а в реестр СО НКО включены те организации, которые ранее получили поддержку государственных и муниципальных органов. Таким образом, круг замкнулся: чтобы рассчитывать на поддержку, нужно быть в реестре, а чтобы попасть в реестр, нужно сперва удостоиться поддержки. Но если и существует способ этот круг разомкнуть, так это только наличие в уставе сформулированных направлений деятельности, совпадающих с направлениями деятельности из статьи 31.1 ФЗ №7.

Проанализировав такой расклад, я пришла к умозаключению, что нельзя упускать ни один, пусть даже зыбкий, шанс претендовать на дополнительное пополнение бюджета моей будущей организации, поэтому было решено:

– внедрить словосочетание «социально ориентированная» прямо в название, чтобы сразу придавать любому читающему его чиновнику правильное направление мыслей;

– добавить в список целей деятельности НКО, изложенных в Уставе, формулировки, явным образом перекликающиеся аж с двумя пунктами из ФЗ №7, а именно «социаль-

ное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан» (п. 1, ст. 31.1) и «охрана окружающей среды и защита животных» (п. 4, ст. 31.1).

Разумеется, с первого же дня существования моей НКО я помнила о потенциальных плюшках для социально ориентированных организаций и при каждом удобном случае напоминала всем, кто готов был выслушать, что мы имеем все основания к таким организациям относиться. Забегая вперёд, скажу, что впервые вопрос о признании нас СО НКО был поднят в 2018 году, когда я обратилась в московский ресурсный центр, где наш Устав и имевшиеся на тот момент результаты деятельности наконец-то кто-то изучил на предмет социальной значимости. А спустя ещё пару лет, в связи с выигранным нами президентским грантом, наша организация попала в самый что ни на есть настоящий Минэкономразвития РФ. Не могу сказать, что эти факты сразу открыли перед нами все двери, но некоторые небольшие льготы материального характера они нам всё же дали. А также большое моральное удовлетворение лично мне: хоть в чём-то происходящее на практике в кое-веки совпало с тем, чего я ожидала на основании теоретических знаний. *реестр социально ориентированных благотворительных организаций*

Конечно же, я сразу понимала, что никто никогда и нигде не будет нас величать : по правде говоря, я и сама, когда мне нужно упомянуть (почти всегда письменно) полное официальное название моего детища, использую в качестве

шпаргалки наш Устав. Разговорный язык тяготеет к максимальным сокращениям, поэтому трёхсловная версия наименования НКО, отражающая, согласно моей концепции, самую соль проекта – «Социально ориентированная ветеринария» – тоже не так уж прижилась «в народе». Выкинув из этой формулировки слово, несущее наименьшую смысловую нагрузку (и требовавшееся мне, как мы разобрались, исключительно ради воздействия на умы чиновников, ведущих интересующие меня реестры), нас часто стали называть «Социальная ветеринария». Возражений против такого лаконичного словосочетания я не имею: ведь суть нашей миссии оно вполне передаёт. *автономная некоммерческая организация «Центр защиты животных и социальной помощи населению в сфере их содержания „Социально ориентированная ветеринария“»*

Чего не скажешь об аббревиатуре. Сокращение «СОВет» было придумано мной. Тут вам и игра слов, и комбинация строчных букв с заглавными – в общем, оригинально и ёмко, рассудила я. И в принципе до сих пор так считаю, да только на практике не всегда и не все в состоянии по достоинству оценить оригинальность, и ёмкость, и игру слов.

В нашей выписке из ЕГРЮЛ зафиксировано, что официальное сокращённое наименование выглядит так: АНО СОВет. Но много ли обывателей знают, что такое АНО? Не веду точную статистику, но мне пока таковые встречались в меньшинстве. А поскольку незачем дорожить набором букв, ко-

торый заключает в себе минимум смысла, в речи первая часть аббревиатуры по обыкновению отбрасывается. Остаётся просто «СОвет». Здесь уже смысловая нагрузка присутствует или отсутствует в зависимости от того, знаком ли человек с расшифровкой.

Разумеется, даже те, кто в курсе, что слово «СОвет» образовано на самом деле от того же корня, что и «ветеринария», всё равно ассоциируют его с «советом» в значении «рекомендация». Слишком уж очевидно фонетическое совпадение. Мы и сами использовали эту омонимию как основу для заглавий некоторых наших рубрик в соцсетях – «СОвет советует» (экспертные комментарии ветеринаров и специалистов третьего сектора) и «СОветуем поддержать» (информационная помощь зооволонтерам). Но под влиянием нарицательного существительного «совет» наша аббревиатура часто оказывается подвержена двум грамматическим ошибкам, с которым моё лингвистическое занудство неутомимо борется: склонение по падежам и согласование в мужском роде. «Дать ценный совет», но «моя драгоценная „СОвет“»; «обратиться к профессионалу за советом», но «в „СОвет“ работают профессионалы». К СОвет применимы общие правила русского языка для аббревиатур – неизменяемость формы и согласование в роде по нарицательному существительному, к которому относится название, то есть в нашем случае это «организация», а значит женский род.

Более оригинальный каламбур, который мне доводилось

слышать, – образование от «СОвет» прилагательного «советский». Опять-таки по аналогии с существительным «совет», но уже в другом его значении. Не то чтобы «власть советов» вызывала у меня отвращение, но всё же лечение животных на благотворительной основе никоим образом не связано с политикой в целом и социалистическим строем в частности. Поэтому отчасти заглавие моей книги было навеяно именно стремлением закрепить за организацией прилагательное с другим суффиксом, избавляющее от ненужного ассоциативного ряда.

Изредка встречалось мне, напротив, употребление нашего наименования с ударением на первый слог – развеивающее отождествление с «советами» во всех их значениях. «СÓвет» звучит необычно и ни на что не похоже.

Клиники-партнёры, внося нас в свои базы для оформления счетов за пациентов, ввели традицию выдумывать собственные, лишь им одним понятные сокращения: Соцвет, АНО ЦС. После ряда прецедентов, когда волонтёры, приходя на приём с животным самостоятельно, без представителей нашей организации, испытывали затруднение в поиске нас в базе, чтобы корректно оформить документы за лечение, нам пришлось пресечь такую свободу творчества и добиться унификации своей идентификационной карточки во всех клиниках.

С одной стороны, так ли уж важно, что за перипетии постигают название: ведь это всего лишь , она не влияет на дея-

тельности. С другой – почти каждый наверняка знает, из какого языка произошло его имя, что оно в переводе означает, и редко кто хладнокровно воспринимает, когда окружающие – не со зла, но лишь по невежеству – его коверкают. А потому, наверное, не трудно догадаться, сколь трепетно я отношусь к передаче через наименование организации её концепции, миссии и кредо. Более того, когда учредитель – лингвист и поэт, НКО обречена на ещё бóльшие «заморочки» с её символикой. И родилась идея логотипа с использованием словесной графики. *форма суть*

За годы существования СОВет трижды меняла эмблему, и каждый эскиз я разрабатывала лично, всегда по принципу каллиграммы.¹⁹

Наш первый логотип изображал кошку: просто потому, что на тот момент силуэт сидящей мурлыки в моём сознании изящно вписался в нужные буквы «СОВ». И отчасти потому, что каждый раз, когда врачи наших партнёрских клиник спасают очередную кошку с тяжёлым заболеванием, я мысленно (подсознательно) прошу прощения у Алисы за то, что мы пришли к этому слишком поздно для неё. Но только благодаря её светлой памяти мы к этому вообще пришли. Тем не менее, разумеется, речь вовсе не шла о том, чтобы моя организация помогала только кошкам. Мы вовсе не дискриминируем собак, а иногда и более оригинальные пациенты попадали в центры социальной ветеринарии: к нам обра-

¹⁹ Рисунок, выложенный из букв.

щались с попугаями, хомяками, шиншиллами, дважды наши врачи спасали голубя. Однако на протяжении первого года жизни СОВет только ленивый не спросил нас, означает ли логотип, что наша благотворительная деятельность ориентирована исключительно на кошек. Замучившись развенчивать это повсеместно возникавшее заблуждение, с тех пор я стала бдительно следить за кото-собачьим паритетом во всех наших презентациях и видеороликах. А когда из-за человеческого фактора возникла необходимость менять эмблему НКО (дизайнер первого эскиза проявила себя в некой ситуации со столь скверной стороны, что использовать в дальнейшем продукт её творческого труда показалось мне неприемлемым), в последующих логотипах мы зашифровали больше тематически подходящие символы: и изображения обоих животных, чаще всего фигурирующих среди наших подопечных, и значки, отсылающие к ветеринарии (синий крестик, стетоскоп).²⁰

Случается, что два события отделены друг друга огромным отрезком времени, в который вписана целая цепочка других фактов, так что со стороны уже не усмотреть корреляцию между точкой А и Б. После смерти Алисы я сначала поступала в магистратуру, затем проходила длительную стажировку во Франции, после, уже решившись окончательно на создание организации и подготовив всё необходимое, ещё

²⁰ Два старых логотипа СОВет, использовавшихся в качестве символики организации прежде, можно увидеть на стр. 104.

чуть ли не год боролась с бюрократическими проволочками... СОВет не носит её имя, и я не кричу на каждом шагу, что наш проект посвящён её памяти. Но без истории Алисы, хоть она и не единственный фактор, побудивший меня учредить НКО, в России не появились бы центры социальной ветеринарии.

Животные с раннего детства занимали очень значимое место в моём сердце, и, если покопаться в памяти, можно обнаружить кладёзь других гештальтов, которые я постепенно закрываю в рамках работы СОВет.

Была, например, соседская кошка на даче, чьих деток всю её жизнь убивали в младенчестве. Спустя много лет те же наши соседи завели кошку вновь. Узнав про её первую беременность, я, хотя уже жила к тому моменту в другом городе, перестроила все свои дела и рабочие графики, чтобы приехать в нужный момент и проконтролировать судьбу котят, которых оставили в живых под мою гарантию их раздачи в семьи, и затем стерилизацию мамы. Я использовала для разрешения этой истории партнёрские связи СОВет с местной ветклиникой, но оплачивала расходы из личного бюджета: словно чувствовала себя в долгу искупить вину, которую ощущала с детства перед теми, кому когда-то не сумела помочь. Все люди разные: наверняка существуют дети, которые на моём месте нашли бы способ спасти чужих котят, и существуют взрослые, которые во вновь повторившейся ситуации, пережитой мной, сочли бы себя по-прежнему

му бессильными на что-то повлиять... Ценой огромного количества нервов, дипломатически виртуозных переговоров, хитростей, времени и денег я доказала (себе), что из беспомощного ребёнка с добрым сердцем мне удалось превратиться во взрослого, сохранившего это доброе сердце и научившегося использовать свой новый статус для воплощения его порывов. И где-то на кошачьем небе улыбнулись несколько десятков невинных душ. *тогда давно*

Была также, всё на той же соседской даче, собака с великой душой и огромным разумом, которую однажды застрелил неизвестный прохожий. И этот случай из детства открывает новые поприща для размышлений и действий: в отношении пресечения фактов жестокого обращения с животными; в отношении обеспечения безопасности питомцев в условиях дач, где открытые пространства и неизбежен вечный самовыгул; в отношении обоснованного, но не всегда, страха людей перед чужими лающими собаками...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.